

Е.Г. Федорова

КУЛЬТУРА СЕВЕРНЫХ МАНСИ СЕРЕДИНЫ XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА: ФАКТОРЫ УГАСАНИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЯ ТРАДИЦИЙ¹

Любая этническая культура, как хорошо известно, в процессе своего существования подвержена влиянию различного рода факторов, воздействие которых приводит либо к деградации ее специфических признаков, либо к ревитализации таковых. Периоды, для которых характерно угасание традиционных форм культуры, могут сменяться временем, когда происходит их возрождение. Как писала известный отечественный угровед З.П. Соколова, «...исследуя изменения в хозяйстве и культуре народов Севера поэтапно, в разные хронологические периоды советского времени, можно выявить различные тенденции в этих изменениях, разницу в темпах развития этнокультурных процессов у разных народов и иные качественные различия тех же процессов» [Соколова 1986: 14–15].

Стимулировать процесс (очередной период) угасания или возрождения традиционной культуры могут исторические события, такие как войны или революции, различные катастрофы, разного рода реформы, проводимые государством.

Прежде чем говорить об этнокультурной ситуации у северных манси середины XX — начала XXI века, нужно кратко остановиться на основных характеристиках предшествующего периода — с момента окончания на Севере Гражданской войны до 1950-х годов.

На начальном этапе социально-экономических преобразований, проводимых государством, были организованы простейшие промыс-

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Раздел «Этнические традиции как ресурс современного социокультурного развития коренных народов Севера».

ловые объединения (ППО), которые ориентировались на традиционную систему ведения хозяйства, затем — северные промысловые артели (СПА).

Созданные в 1930-е годы колхозы в основном также сохраняли традиционные формы хозяйства и природопользования. Основные изменения коснулись оленеводства, поскольку немалый процент поголовья оленей, в некоторых селениях — более 50 % (подробнее см.: [Пивнева 1995; Хромов 2004: 48–70; Федорова 2005: 20–22]), был обобществлен при образовании СПА, а наиболее богатые оленеводы подверглись репрессиям.

Эффективность мелких колхозов была очень низкой, коренное население участвовало в колхозном производстве с конца ноября по начало марта (сезон охоты) и с первой половины июня по вторую половину сентября (сезон рыболовства), что диктовалось традиционным хозяйственным циклом обитателей тайги. А при создании колхозов ставилась задача «равномерно, на протяжении года, полностью использовать трудовые ресурсы». Мешало колхозному строительству еще и то, что населенные пункты были разбросаны по довольно большой территории. От землеустроителей, работавших в Березовском районе, поступило предложение об укрупнении колхозов «в виде доприселения извне или путем слияния существующих колхозов» [Пивнева 1995: 106–107].

После Великой Отечественной войны, когда у северных манси, как и по всей стране, работали главным образом женщины и дети, мелкие колхозы стали укрепляться. В это время северные манси сохраняли многие черты традиционного хозяйства, материальной культуры и, как показали исследования постсоветского периода, религиозных представлений и обрядности, функционировавших полностью.

Но политика «укрупнения» продолжалась. Преобразования были закончены в 1960-е годы. Завершились они начатым еще в 1940 г. перемещением коренных жителей из мелких селений в крупные, часто многонациональные [Хромов 2004: 71–89]. Переселение далеко не всегда было добровольным. Люди были вынуждены оставлять налаженное хозяйство, менять привычные условия быта. Но нельзя не отметить и положительные моменты этого процесса: в крупных поселках население лучше обеспечивается товарами, здесь и доступность медицинского обслуживания, образования, непосредственная (хотя и непростая — в силу больших расстояний) связь с райцентром,

здесь работают культурные учреждения — клубы и библиотеки. (Правда, и в середине 1970-х годов в некоторых из крупных поселков не было постоянного энергоснабжения, а телевизоры появились еще позднее, поскольку трансляции мешали Уральские горы.)

Считается, что укрупнение колхозов и преобразование их в совхозы, создание рыбучастков и промохототделений окончательно разрушили традиционно сложившиеся хозяйственные коллективы, привели к изменениям традиционных форм хозяйства, утрате навыков природопользования северных манси. Усилилась специализация хозяйства: в верховьях Ляпина акцент был сделан на оленеводство, в верховьях Северной Сосьвы ведущим занятием стала охота, в среднем течении этой реки — рыболовство.

По большому счету была нарушена именно традиционная комплексность хозяйства, возникла другая комплексность, с новыми видами деятельности, такими как, например, огородничество (кстати, хорошо прижившееся повсеместно), клеточное звероводство, заготовка пиломатериалов. Все же до середины 1980-х годов в хозяйственной сфере северных манси сохранялось много традиционного: способы охоты и рыболовства, орудия труда, транспортные средства, промысловая одежда и постройки (подробнее см.: [Федорова 1980: 74–78; 1986: 140–155; 1994: 92–100]).

Оставшиеся после завершения процесса «сселения» населенные пункты северных манси по таким признакам, как общая численность населения, численность манси, наличие инфраструктуры, характер поселений и построек, четко делились на три группы, причем наблюдалась тенденция к исчезновению тех деревень, где манси составляли от 50 до 100 % жителей [Федорова 1994: 91–92].

Манси все это время должны были приспособливаться к новым условиям. Они стали жить среди представителей других национальностей, превышающих их по численности. Это, естественно, ускорило процесс трансформации традиционной мансийской культуры, внедрение урбанизированных культурных форм.

Определенную роль в этом сыграли и школьные учителя. По словам информантов-манси, в 1950-е годы учителя запрещали им говорить на мансийском языке и носить национальную одежду. К почти полному исчезновению последней привела не только жизнь среди численно превосходящих носителей другой культуры. Сыграла свою роль и недоступность оленьих шкур — материала, из которого шили одежду и обувь и который могли получить в последней четверти XX в.

только работавшие непосредственно в сфере оленеводства или те, кто имел личных оленей, а их у манси было не так уж много.

Отношение со стороны местной интеллигенции к традиционной мансийской культуре не было однозначным. Интерес к ней как к чему-то необычному заставил некоторых учителей, причем нередко представителей других национальностей, собирать мансийские орнаменты. В 1970-е годы в школах и при клубах уже работали кружки, в которых мальчиков обучали навыкам охоты и оленеводства. Девочки занимались плетением из бисера, шили различные мелкие вещи, украшенные традиционным орнаментом. Правда, в первом случае менялась форма предмета — более привлекательными стали кошельки, браслеты для часов и тому подобные вещи вместо традиционных нагрудных украшений. Во втором — форма часто сохранялась, но менялся материал из-за недоступности традиционного, в частности оленьих шкур.

Период с середины 1970-х по конец 1980-х годов стал последним в рамках тех преобразований, что происходили за годы советской власти. К моменту его завершения оставалось мало людей, полностью воспитанных в рамках традиций.

Обязательность среднего образования, как и прочно внедрившиеся нетрадиционные отрасли хозяйства, — в числе основных причин изменения производственной ориентации. Традиционные виды деятельности становились все менее привлекательными для молодых представителей коренного населения. Особенно это относится к оленеводству. Далеко не все готовы на протяжении почти всего года жить в чуме.

Все же и в это время выявлялись черты традиционной культуры. Они были более заметны в сфере хозяйственных занятий, особенно в охоте, причем больше в том направлении, которое ориентировалось на обеспечение индивидуальных потребностей (подробнее см.: [Федорова 1996: 60–61]).

Уровень сохранности традиционной культуры не был одинаковым для всех территориальных групп северных манси. Наиболее ярко она проявлялась у самой малочисленной группы — верхнелозьвинских и верхнепелымских манси, живших небольшими селениями-юртами на севере Свердловской области (подробнее см.: [Новикова, Федорова 1991: 132–143]). В силу особой изолированности (специфика района — ИТУ) их культура почти не изменилась, что подтверждается при сравнении фотографий 1908 и 1987 гг. (см.: [Федорова 2004]).

В 1970–1980-х годах в этом районе фиксировались традиционные постройки всех видов, в том числе и исчезнувший у всех остальных групп *мань кол* ('маленький дом'), в котором женщины рожали и находились в период менструаций, а также транспортные средства, одежда. Некоторые мужчины еще носили косы (характерная мужская прическа северных манси в прошлом), для женщин были обязательны платки, чтобы, по мансийской традиции, закрывать лицо при появлении «чужих» (рис. 1).

В конце 1980-х — начале 1990-х годов экономическое положение коренного населения на фоне общего кризиса в стране заметно ухудшилось. Стало разваливаться то, что относительно благополучно функционировало на протяжении примерно двадцати лет. Многие манси, жившие в крупных поселках, остались без работы. В связи с этим наметилась тенденция к своего рода «разукрупнению». Неко-

Рис. 1. Голосование в день выборов 17 июня 1973 г.
Г. Ивдель. П. Суеват-пауль. Из архива автора

торые манси вернулись на места обитания своих предков (в том числе и семьи с детьми), возродился ряд исчезнувших селений. К началу 2000-х годов увеличилась численность мансийского населения и в небольших деревнях, которые не были ликвидированы за годы советской власти. В данном случае произошел поворот в сторону традиционной культуры.

В сложившейся на рубеже 1980–1990-х годов ситуации было необходимо обеспечить коренное население работой. Попытка выхода из кризиса выразилась в создании в первой половине 1990-х годов так называемых «родовых общин», которые позднее стали фигурировать в документах как общины коренных малочисленных народов Севера. Подразумевалось, что это будут особые органы хозяйствования и самоуправления.

При этнографических исследованиях 1990-х годов создавалось впечатление, что это перспективный путь развития коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры [Северная Сосьва 1992; Мартынова, Пивнева 2001: 109–114; Федорова 2005: 24]. Но общины оказались предоставленными сами себе, хотя им и оказывалась помощь. Они были ориентированы на традиционные виды хозяйства с выделением «родовых угодий». Непоследовательная политика по отношению к общинам, несовершенство законодательной базы, отсутствие специалистов, дефолт 1998 г., изменившаяся ситуация с угодьями, споры из-за них между разными общинами, сложности с реализацией продукции привели к тому, что многие из общин на территории проживания северных манси попали в тяжелое положение. Наиболее жизнеспособной оказалась община «Кимкьясуй», возможно, из-за того, что в своей деятельности она ориентировалась главным образом на лесозаготовки и содержание дороги-зимника, то есть на нетрадиционные занятия [Федорова 2010: 206].

Собственно вопрос о возрождении традиций возник с созданием в 1989 г. ассоциации коренных малочисленных народов ХМАО «Спасение Югры». В ее Уставе обозначены следующие задачи: создание заповедных зон для проживания и хозяйственной деятельности хантов и манси; ограничение или запрещение в их пределах промышленного освоения, передача приоритетных прав пользования и распоряжения землей коренному населению; сохранение традиционных промыслов, искусства; возрождение национальной культуры и языков хантов и манси. Мероприятия, которые воплощают идею возрождения

дения, — это различные праздники, ярмарки, угроведческие конференции, школы по языку и культуре, занятия на детских этнографических стойбищах, священные обряды, научно-практические семинары. Нужно сказать, что такие ассоциации в это же время создавались и у других народов Севера.

Нельзя не отметить, что за время своего существования ассоциация сделала достаточно много для того, чтобы широкие массы коренного населения получили сведения о своей традиционной культуре. Здесь речь идет скорее о пропаганде [Федорова 2006: 67–68], причем смешанного, мансийско-хантыйского варианта культуры, а не о ее возрождении, поскольку не всегда в полной мере учитываются традиции народа, особенно локальные. Например, для мальчиков из мансийского детского этнографического стойбища были закуплены хантыйские рубахи. Семинары, на которых мастерицы, занимающиеся изготовлением традиционных вещей (берестяной утвари, меховых сумок, бисерных украшений, одежды), обмениваются опытом, привели к тому, что знаковые элементы культуры, в частности орнамент, вышли за пределы «своей» территории. То, что по орнаменту определяли принадлежность человека к той или иной группе, уже не принимается во внимание.

В постсоветский период активизировалась обрядовая деятельность. Она стала открытой, естественно в той мере, в какой это позволяет делать традиция. В праздниках и обрядах принимает участие достаточно много людей, причем это не только представители коренного населения. По инициативе местной интеллигенции проводилась реконструкция некоторых исчезнувших обрядов, хотя не всегда это получалось удачно. Одна из первых попыток — реконструкция свадьбы — вызвала негативное отношение со стороны части населения той деревни, где этот обряд проводился. Свадьбу назвали фиктивной, поскольку один из «молодоженов» в тот момент состоял в браке.

Потребность обозначить свою этническую принадлежность через какие-то элементы традиционной культуры у коренного населения не исчезла. Заметной она стала с ростом этнического самосознания, всплеск которого пришелся на самые тяжелые в экономическом плане годы — конец 1980-х — начало 1990-х. Этот процесс явно был инициирован властями и поддержан местной интеллигенцией. Потребность же «обозначить» себя выражается, в частности, через традиционный костюм, который сейчас активно используется в качестве праздничного. Он заметно меняется, становится все более нарядным.

Традиционные обряды проводятся не только в сельской местности, но и в городе, а именно на территории музея под открытым небом «Торум Маа» в Ханты-Мансийске.

События последнего времени говорят скорее о том, что можно ждать очередного периода угасания традиционной культуры северных манси, как минимум — значительной трансформации, превращения в «фольклорный вариант», что произошло с культурами многих народов мира. Сравнительно недавно была проведена очередная административная реформа. Как самостоятельные муниципальные образования перестали существовать Сосьвинская и Няксимвольская администрации. То есть снова произошло укрупнение. Был ликвидирован Департамент по делам малочисленных народов Севера, его функции распределили между другими департаментами окружного правительства. Не у дел может остаться тот слой коренного населения, главным образом интеллигенции, который на протяжении более двух десятилетий целенаправленно боролся за права малочисленных народов, их материальную поддержку, сохранение традиций. У самих же этих народов, видимо, два пути: полностью отказаться от своей культуры (вопрос относительно самосознания) или же «уйти в лес», где пока еще можно вести традиционный образ жизни.

Библиография

Мартынова Е.П., Пивнева Е.А. Традиционное природопользование народов Северного Приобья (по материалам Ханты-Мансийского автономного округа). М., 2001.

Новикова Н.И., Федорова Е.Г. Поездка к ивдельским манси // Материалы к серии «Народы и культуры». М., 1991. Вып. VII: Обские угры (ханты и манси). С. 132–143.

Пивнева Е.А. Из истории колхозного строительства в Березовском районе Тюменской области // Народы Сибири. М., 1995. Кн. 2. (Сибирский этнографический сборник. Вып. 7). С. 82–109.

Северная Сосьва (исторические и современные проблемы развития коренного населения). Шадринск, 1992.

Соколова З.П. Современное этнокультурное развитие народов Севера по данным материальной культуры // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986. С. 10–15.

Федорова Е.Г. Элементы нового и традиционного в современной материальной культуре манси // Полевые исследования Института этнографии. 1978. М., 1980. С. 73–79.

Федорова Е.Г. Элементы традиционного в современных хозяйственных занятиях северных манси // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986. С. 139–156.

Федорова Е.Г. О современных изменениях в поселениях и жилищах // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994. Т. 1: Поселения и жилища. Кн. II. С. 90–100.

Федорова Е.Г. Современные хозяйственные занятия северных манси // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Jyväskylä 10.–15.8.1995. P. VI. Ethnologia & Folkloristica. Jyväskylä, 1996. P. 59–62.

Федорова Е.Г. Манси Урала по иллюстративным коллекциям МАЭ РАН // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 2004. Вып. 10–11. С. 110–125.

Федорова Е.Г. Сосьвинско-ляпинские манси: некоторые аспекты этнодемографической и хозяйственно-культурной ситуации // Сибирь на рубеже тысячелетий. Традиционная культура в контексте современных экологических, социальных и этнических процессов. СПб., 2005. С. 7–29.

Федорова Е.Г. Традиционная культура народов Сибири на рубеже тысячелетий // Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России. М., 2006. С. 63–74.

Федорова Е.Г. Национальные общины Средней Сосьвы и их создатели // Этнокультурное наследие народов Севера России: к юбилею д-ра ист. наук, проф. З.П. Соколовой. М., 2010. С. 202–210.

Хромов В.В. Край запаха тайги (очерк по истории вогульских поселков Северной Сосьвы). Томск, 2004.